

ИСКАНДЕР И ЕГО ОКРЕСТНОСТИ

Триг. - 1994 - 8 месяцев - с. 7
Сегодня писатель отмечает свой юбилей

Он всегда выглядел сильным, не склонным к разбедающей рефлексии: этакий крепыш-южанин. Но то, что случилось с Фазилем Искандером в середине 70-х после шумного скандала с диссидентским альманахом «Метрополь», в котором он участвовал, было неожиданным. Фазиль, судя по всему, болезненнее других переживал случившееся. Одни авторы того аксеновского журнала быстренько утерлись и отправились в очередную загранпоездку, другие тихо покалялись. Двух молодых исключили из Союза писателей. Устояли немногие.

Речь шла о блокаде провинившихся авторов. Так это называлось в 70-е годы. Литература переставали печатать, его имя не упоминалось в газетах и журналах, вычеркивалось из издательских планов. Иначе говоря писателя лишали средств к существованию. Так было в 30—40-е с Платоновым, Ахматовой.

Фазиль Искандер не умер с голоду, да и блокада в брежневские времена не была такой тотальной, как в годы ждановщины — всегда можно было найти литературный заработок. Но Фазиль как-то очень тяжело пережил опалу; он не обладал увертливостью или хитроумной ловкостью некоторых своих коллег по «Метрополю». Понадобилось несколько лет, чтобы он смог прийти в себя.

А начинал он легко и весело — в поэзии и прозе в годы первой «оттепели» после XX съезда. Сатирически-озорное «Созвездие Козлотура» трогрело на всю страну. При встречах с ним возникало ощущение талантливости и серьезности. Я не помню, чтобы он приносил в редакцию журнала «Юность», где я работал, сырые, недоработанные стихи; было ясно, что они уже прошли самый строгий отбор — авторский. Вот это свойство Фазилия Искандера — взыскательность, требовательность к себе — присуще ему с молодых, литинститутских лет. Может быть, объяснялось это тем, что, выросши на земле древней Абхазии, Фазиль овладевал русским языком истово и самозабвенно. И сохранил в себе удивительную «память сердца», память о кавказских горах, чистейшем воздухе и теплом, ласковом море. И, конечно, о людях, своих соотечественниках, многочисленных близких и дальних родственниках. Иногда кажется, что любой житель Абхазии каким-то образом доводит себя ему родственником.

Когда утихнут накаленные

страсти в междуречье Псоу и Ингури, тамошние жители поймут, что их соотечественник создал национальный эпос абхазского народа. Да, книги Искандера, роман «Сандро из Чегема», серия повестей и рассказов о мальчике Чике, рождающийся в последние годы романтический цикл «Человек и его окрестности» представляют собой целый духовный космос небольшого горского народа, его психологии и обычаев.

Нет нужды выяснять, какой литературе принадлежит книга Искандера, русской или абхазской. Он пишет по-русски (да и первая абхазская азбука была составлена сто лет назад на основе русской графики), но несет в себе тысячелетнюю духовную традицию своего народа, его мудрость, юмор, национальное достоинство. Нельзя без душевного упоения читать романное повествование о жизни дяди Сандро или о приключениях угомонного мальчика Чика. Но Искандер не юморист, хотя его мягкая речь почти всегда согрета улыбкой. Впрочем, не всегда безмятежной: в последние десятилетия и особенно в последние годы слово Искандера постепенно наливается сарказмом, горьковатой иронией.

Свой день рождения (все-таки шестидесятипятилетие) Фазиль Искандер встречает в тихих, сосредоточенных трудах; наверно, это самая большая радость для талантливого художника. А знаки международного и отечественного признания, что ж, тоже хорошо: различные престижные премии, почетное членство в нескольких академиях и обществах, в том числе в недавно созданной Независимой академии эстетики. И все же трудно представить Фазилия Искандера в мантии академика.

Он просто великолепный писатель, один из лучших наших писателей второй половины XX столетия.

Вл. ВОРОНОВ.

Фото Ю. КРОХИНА.